

МИКОЛА АДАМ

ДОЧКА

Аннотация

Она появилась внезапно из ниоткуда. Позвонила по телефону и представилась Дмитрию Миллеру — 37-летнему писателю, известному в узком кругу, его взрослой 18-летней дочерью. Зачем? Почему? Миллер никогда не был женат и всю жизнь был уверен, что детей у него нет и не будет. Кто-то подиутит над ним, или Алиса, так зовут материализовавшуюся волшебным образом дочь, аферистка? Но что с Миллера взять, кроме книг? Не ради книг же затевалась афера, если Алиса все-таки аферистка!

После встречи с таинственной девушкой Миллер будет втянут в череду не менее таинственных событий, связанных и с криминалом, и с мистическими вещами. Алиса окажется без пяти минут чемпионом мира по кикбоксингу и очередным воплощением одного из мушкетеров, придуманных Александром Дюма. Бандитские группировки, орки, злая ведьма, прекрасная принцесса, Бог и Дьявол уживаются на одной территории и противостоят друг другу. Уже интересно?

Ну а разве не любопытно, кто все же такая Алиса и чего ей надо от Миллера? Все ответы на страницах романа «Дочка».

Микола Адам

Дочка

1

— Алло!

— Простите, могу я услышать Дмитрия Михайловича Миллера?

— Это я.

— Здравствуйте, Дмитрий Михайлович, это Алиса...

— Какая Алиса?

— Ваша дочка.

— Кто-кто?

— Я понимаю... Не кладите, пожалуйста, трубку... Я понимаю, что это дико звучит...

— Послушайте, если это шутка такая, то не смешно. Совсем.

— Дмитрий Михайлович, пожалуйста, поверьте мне, я говорю правду, я не обманываю вас...

— Барышня, как вас там, у меня нет никакой дочери и никогда не было...

— Вам просто не сказали, не сообщили... Я сама узнала, что вы мой отец совсем недавно. Я сама в шоке!!!

— Кто вам сказал, что вы моя дочь?

— Никто не сказал, я подслушала, как о вас и о моей маме говорили мама и папа, точнее, я думала, что они мои родные мама и папа. Оказалось, что мамой я считала сестру моей настоящей мамы, а папа вообще ни при чем...

— Почему я должен вам верить?

— Потому что я ваша дочка, потому что я прочитала все ваши книги, потому что я очень на вас похожа, а не на своего папу, потому что...

— И... что вы хотите от меня?

— Давайте встретимся. Это не телефонный разговор, Дмитрий Михайлович. Вы только взглянете на меня и поймете, что я вам ни капли не вру.

— Ну, допустим... а дальше что?

— Не отказывайтесь от меня... Мы ведь даже еще не увиделись. Вам совсем неинтересно, что у вас есть взрослая дочка?

— Мне интересно, откуда она взялась.

— Я вам все подробно расскажу при встрече. Вы не пожалеете, обещаю.

— Настораживает ваша самоуверенность.

— Мне нечего скрывать от вас и бояться вас. Вы — мой папа.

— Мне бы вашу уверенность в этом вопросе.

— Она у вас появится, как только вы увидите меня.

— Ну если это шутка...

- Не шутка, Дмитрий Михайлович, клянусь!
- И сколько тебе лет, если не секрет?
- Восемнадцать. Я учусь на филфаке БГУ, даже живу в той же комнате, где когда-то жили вы в общежитии на Октябрьской.
- В какой комнате?
- 702 Б.
- «Макдональдс» подойдет возле ГУМа?
- Конечно.
- Тогда давай в шесть вечера у входа или у подземного перехода под часами.
- Я буду.
- Не сомневаюсь.
- До встречи, Дмитрий Михайлович!
- Пока.

2

Миллер сунул мобильный в задний карман джинсов, почесал затылок, закурил. Откуда у нее номер его телефона? Кто-то подсказал? Кто? Хотя не это странно, узнать номер телефона любого интересующего тебя человека сейчас не проблема. Странно другое — внезапное наличие взрослой дочери. Если это не розыгрыш, в чем Миллер был уверен. Некоторые его друзья нередко таким образом друг над другом подшучивали, он сам однажды участвовал в чем-то похожем. Тогда был

день рождения Алекса Быковского, и Миллера, как мастера подделывать чужие голоса под свой, чем он отличился еще в школе, попросили позвонить имениннику, имитируя голос президента страны, поздравить его и пригласить на аудиенцию, которая произойдет в круглом зале Национальной библиотеки. А поскольку Быковский с президентом был знаком, незадолго до этого получил президентскую премию за книгу новых стихотворений, то и повелся. Такой горделивый сделался, собираясь на встречу с первым лицом... Потом долго злился, даже несколько месяцев не разговаривал с Миллером... Вот он и мог подстрекнуть друзей отомстить Миллеру, придумав ему взрослую дочь. Впрочем, хотелось бы, чтобы дочка оказалась настоящей. «Миллер, ты сам себя слышишь?» — поймал себя на каверзной мысли и невольно улыбнулся. А что, время поджидает, у него, как назло, никого и ничего нет. Кроме книг. Одноклассники, друзья, знакомые, приятели, сослуживцы по работе — все семейные люди, с детьми, а некоторые уже и с внуками. У каждого в портмоне фото детей и жен, и эти фото они с удовольствием демонстрируют при всяком удобном случае. Миллеру нечего показывать, зато он пишет.

Миллер докурил, поднялся на четвертый этаж учреждения, где работал редактором книжного отдела коммерческого издательства, прошел в офис,

занял свое место за компом редактировать чужие тексты. Свои он писал только дома — в съемной однушке на проспекте Рокоссовского.

Ему недавно исполнилась тридцать семь лет. Он был худощавый, среднего роста, с иссеченными сединами волосами и бородой, хриплым голосом и добрыми глазами. Именно за хорошие глаза его любили женщины, но быстро разочаровывались в нем, поскольку он ничего им дать не мог, ничего конкретного для жизни. Быт угнетал его, он делался грустным, замкнутым и угрюмым. По правде говоря, как потенциальный муж, Миллер — не вариант для любой женщины. Она не будет за ним, как за каменной стеной, хотя в опасных ситуациях он спасет ее ценой собственной жизни, и, тем не менее, не сможет чувствовать себя защищенной рядом с ним, ведь сам он как открытая рана. Он не добытчик, не сантехник, не каменщик, не слесарь, не умеет надувать воздушные шарики, все время с книгой в руках, даже за кухонным столом. Ни одна женщина не пленит его и не перекует на свой лад, потому что он уже пленен. Литературой. И когда женщина поймет это, то кроме жалости к Миллеру ничего более не почувствует. Не мужчина он тогда для нее, хоть и писатель, чудак какой-то. Жизнь ведь не на бумаге происходит, не в мечтаниях, а в реальности, которую он, однако, не хочет замечать, более того, не желает.

Скорее всего, поэтому друзья и понимают его, и уважают, и ценят.

...Работать, сконцентрироваться на редактировании не получалось. Не выходил из головы телефонный разговор с Алисой. Неужели он отец? Если это не шутка, неужели он все-таки отец?.. Ему уже хотелось, чтобы рабочий день закончился побыстрее. Его будет ждать Алиса. Его дочь. Подумать только, у него есть дочь!.. Если это, конечно, не розыгрыш.

Через Миллера, как диверсанты, шныряли звуки, брали в плен слова, которые с переменным успехом отбивали друг у друга сослуживцы, сидевшие один по правую руку от него, второй по левую. После обеда они обычно устраивали информационную дуэль между собой, и Миллер оказывался под перекрестным огнем.

Рост доллара сменялся девальвацией и перепрыгивал на очередные выборы в парламент, которые по слухам должны вот-вот произойти, но все идет к тому, что их проведут в марте; запрет презентации книги В. Мартиновича «Мова» в Гродно и задержание писателя сравнивались с задержанием на границе П. Северинца и конфискацией его книги; сериал «Игра престолов» — с романами Дж. Мартина, причем не в пользу кинопродукта. Заявление Президента на встрече с писателями, что последние ни на что не способны и

только брюки протирают, вызывало, в общем, безапелляционное возмущение. «Войны и мира» ему захотелось, где Купала, спрашивал он. Ответ простой — Купала давно в гробу, а «Войну и мир» невозможно написать, потому что она уже написана. Цены на все скачут с каждым днем как белки, а зарплата не увеличивалась с начала года. Робин Уильямс умер, а Караченцова жена тиражирует на каждом канале. Построить квартиру в столице нереально, но люди прут и прут в мегаполис, будто здесь медом намазано. Коммуняки же пообещали, что к 2000 году у всех жителей советов появится своя личная жилплощадь, а на носу 2015, и ни квартир, ни советов. Новым Годом не пахнет, никакого праздничного настроения. Может, потому, что снега нет и плюсовая температура?

Темы менялись с невероятной скоростью, обсуждение их было поверхностным, но очень громким, хоть уши затыкай. Обычно Миллера они не трогали и не цепляли никоим образом, он умел сосредотачиваться на своем и не обращал внимания на внешние раздражители. Однако не в этот раз. Он и без того не мог въехать в редактируемый им текст, препятствовали размышления о телефонном разговоре с дочкой, а тут еще никчемные дебаты никчемных коллег... Разумеется, Миллер не считал их никчемными, в смысле коллег, но извинится он

перед ними завтра, сегодня уже достали своим пустословием, о чем Миллер, в принципе, сдержанный и воспитанный человек, поднялся с места и очень нетактично высказался.

Повисла гнетущая неприятная тишина.

Никто не ожидал от Миллера подобного поступка, даже он сам, поэтому на него не обиделись, а призадумались, предположили, что с ним что-то не так, что у него что-то случилось. Однако Миллер этого не услышал, потому что тут же собрался и ушел, сначала покурить, а после где-нибудь скоротать время до встречи с дочерью.

Начался дождь. Миллер едва успел вскочить в трамвай, когда ленивые, но тяжелые капли, похожие на одиночные выстрелы, превратились в жалящие укусы холодного ливня, пулеметными очередями расстреливающего город. Небо словно злилось на него за то, что зима стала похожа на весну или на осень, и обвиняло его в этом, и наказывало за это. В небесной канцелярии, видимо, царил бардак, если произошло смещение времени и поры года забыли, кто, когда и кому уступает место. А может, и не забыли вовсе, напротив, отказались уступить...

Миллер занял место у окна. В любом случае ему теперь было не до проблем зимы, весны, осени и лета. Пускай сами решают, кто из них слабее, а кто более крепок. Миллеру все равно, дождь ли

будет идти, снег ли, или солнце заторчит в небе. Его волновало и даже возмущало в каком-то смысле неожиданное появление дочки, в родство которой он не верил, но было интересно посмотреть на нее. Миллер не сомневался, что ему хватит и взгляда, чтобы понять, врет ему девушка или говорит правду. Глаза не лгут. Однако на всякий случай набрал Быковского — дать последний шанс другу остановиться, пока не поздно.

— Здорово, дружище! — тут же ответил тот.

— Здорово, — поздоровался Миллер. — Слушай, ты ничего не хочешь мне рассказать?

— В смысле? — не понял Быковский.

— В прямом смысле! Не притворяйся дураком! — поморщился Миллер.

— Слушай, друг, ты не девушка, чтобы я тебе что-то рассказывал...

— Значит, ты вроде бы не в курсах? Не с твоей легкой руки, значит, у меня появилась взрослая дочь?

— Ты бредишь, Миллер, или бухой? Что за предьява?

— Если ты мстишь таким образом, то это совсем не смешно!

— Проспись иди!..

— Мне сегодня позвонила какая-то Алиса и назвалась моей дочкой! — заявил Миллер.

— Бывает. А я тут при чем?

— Я подумал, что это твой розыгрыш.

— Такими вещами не шутят.

— Я тоже так считаю.

— И что, реально твоя дочь?

— Не знаю. Еще ее не видел.

— Так надо встретиться и выяснить все.

— Уже.

— Что уже?

— Еду выяснять. К сожалению. До последнего надеялся, что это ты...

— Я бы на твоём месте радовался, что дочка взрослая, насколько я понял. Не надо париться с памперсами, пеленками и...

— Я и радуюсь, — прервал друга Миллер. — Счастья полные штаны.

— Ты что, дружище, нельзя так говорить. Эта же твоя кровинка...

— Еще доказать надо, что она кровинка. Ладно, бывай. В трамвае я, плохо слышно.

Миллер спрятал телефон в карман, глядя в окно, которое штурмовали потоки дождя. Ему не понравилось, что Быковский ни при чем. Он боялся: а вдруг Алиса действительно его дочь? Что тогда делать? Как ей смотреть в глаза и жить дальше?

Миллер доехал до Площади Победы, сошел с трамвая, спустился в метро. Зачем, подумал, ему метро? Времени до встречи с девушкой, выдающей себя за его дочку, хватало, поэтому можно, не

спеша, пешком дойти к назначенному месту и не опоздать. Он поднялся на свежий воздух, вышел на проспект и закурил. Дождь как раз кончился.

3

Алиса нежно провела рукой по фото Миллера на обложке его книги, улыбнулась и положила телефон на стол. Она сидела в факультетском буфете, заказав кофе и песочное пирожное. Вокруг сустились студенты, занимали свободные места за столиками, бросали свои вещи на стулья рядом, чтобы другие видели, что занято; становились в очередь за бутербродами, пирожными, булочками, кофе, чаем, соком или напитком, чебуреками, салатами. Помещение гудело как пчелиный рой. Удивительно, но к Алисе никто не подсел, пожалуй, потому, что столик она заняла отдаленный и к нему долго и неудобно добираться. Тем лучше. Никто не помешает и не полезет с ненужными ей ухаживаниями, от которых она успела устать. Желающих познакомиться с очень красивой (Алиса объективно оценивала силу своих прелестей) девушкой даже целый полк не вместил бы в себя. Это и радовало и печалило одновременно. Ее останавливали в каждом коридоре факультета после каждой пары, нагло спрашивая, не нужен ли ее маме зять, либо просили номер телефона, либо

приглашали в кино, в театр, в филармонию, в кафе, даже к себе в гости и сразу в отель. Алиса всегда холодно отвечала: «Не интересуется» и Снежной королевой проходила мимо, чтобы через несколько шагов снова наткнуться на одни и те же слова и предложения. Оригинальностью, способной удивить, такой, чтобы девушка растерялась и не знала, что ей дальше делать и как себя вести, никто из «ухажеров» не обладал. Тем не менее, любой из них считал себя самым умным, самым красивым, самым остроумным, и их самоуверенности не было границ. Ее отказ отождествлялся чуть ли не со смертельным унижением. Ни один мужчина не может смириться с тем, что в красивой женщине могут быть мозги, полученные не от волшебника страны Оз. Когда он это осознает, сразу превращается в того, кем на самом деле и является: животным, причем тупым животным, а потому...

Но не стоило сегодня думать о плохом. Сегодня праздник. Скоро Алиса встретится с Дмитрием Михайловичем. Она провела взглядом по фото писателя в книге, точно рукой. Ее мечта свершится. А это пока самое главное.

— О, привет! — донеслось откуда-то сверху. Алиса даже не сразу догадалась, что поздоровались именно с нею.

Она приподняла голову. На нее вежливо смотрел Лева Зорич, однокурсник, —

блондинистый худощавый очкарик в полосатой двойке со значком — национальной символикой на лацкане пиджака.

— Позволишь? — спросил он у девушки, встав позади свободного стула за ее столиком, нерешительно озираясь в поиске другого свободного места в случае отказа. Обе его руки были заняты стаканом с чаем и тремя чебуреками, завернутыми в рыжую бумагу.

— А, привет, Лева! — словно очнувшись, проговорила Алиса. — Садись, конечно! — разрешила. Зорич был единственным, кто не испытал силу своих чар на девушке. Пожалуй, он даже не смог бы признаться никогда. Чересчур воспитанный, чересчур сдержанный, стеснительный и нерешительный. Сперва, когда они только познакомились, Алиса думала, что он нетрадиционной ориентации, но после поняла, что ошибалась. Они даже подружились.

— Спасибо! — поблагодарил Зорич и разместился за столиком. — Думал, что придется стоя, а тут ты...

— А тут я, — задумчиво повторила Алиса, не сводя глаз с портрета писателя в книге.

— Что читаешь, если на секрет? — заинтересовался Зорич книгой. Именно книги являлись единственным объектом его восхищения и обожания, с ними одними Зорич чувствовал себя

королем. Страсть к книгам Алису с Зоричем и сблизили.

Девушка протянула парню книгу, оформленную, на первый взгляд, как поздравительная открытка.

— «Шелк». Дмитрий Миллер, — прочитал Зорич на обложке.

— Читал? — спросила Алиса.

— Читал-читал, — невразумительно ответил Зорич и вдруг добавил: — Лучше бы ты классиков читала, чем это.

— Не поняла?! — удивленно посмотрела на собеседника Алиса.

— Литературщиной чистой воды занимается господин Миллер, — изрек Зорич, откусив чебурек. — Души в произведениях нет.

— Сам сделал такой вывод или подсказал кто? — в упор смотрела на него девушка.

— И сам, и подсказали.

— И кто такой смелый?

— Да есть люди, — отхлебнул Зорич чаю.

— Ну, допустим, — задумчиво протянула Алиса. — А эту книгу, именно эту ты читал? — вернулась она к тому, с чего начинала.

— Эту, — Зорич взял в руки книгу, невнимательно полистал, — эту не довелось.

— Тогда заткнись, Лева, и никогда больше не плети лишь бы что, если не в теме, — посоветовала

Алиса. — Лопай чебуреки лучше...

— А что я такого сказал? — возмутился Зорич. Он считал себя очень продвинутым в современном искусстве, даже стихи писал, и их охотно печатали в периодике.

— Не с теми людьми дружишь, Зорич, не то слушаешь и не то слышишь. Я доступно излагаю? — пояснила Алиса.

— Сдался тебе этот Миллер, Алиса! Что ты его защищаешь? Ты сама на себя не похожа! — Зорич так разволновался, что забыл про чебуреки, на которые был весьма падок.

— Миллер, Зорич, большой писатель, — заявила девушка, — и мой папа, — тут же добавила, пристальным взглядом буравя лицо Зорича. Ей было интересно, как тот отреагирует.

— Кто, прости? — удивился Зорич.

— Папа, Лева, папа! — заверила его девушка. — Даже не сомневайся!

— Ты раньше не говорила...

— А я много чего не говорила, Лева!

Алиса взяла книгу Миллера, прижала к груди и смотрела на Зорича, у которого, казалось, отнялся язык. Он снял очки и старательно их протер носовым платком. Ему не было стыдно, но смотреть на девушку он избегал.

— Здорово, Лева! — резко прозвучал чей-то голос сбоку. Зорича аж передернуло, заметила

Алиса. А когда рядом с их столиком, преимущественно за спиной Зорича встали три орка, иначе их нельзя было назвать, парень вогнул голову в плечи. И куда подевались его кичливость и спесь?..

Орки придвинули в миг возникшие три свободных стула к столику и безо всякого разрешения сели. Алиса с интересом наблюдала за ними.

— Поздоровайся с нами, Лева! — протянул руку Зоричу один из орков, видимо, лидер. Тот как-то осужденно вытянул свою руку и слабо пожал протянутую. — Познакомь с принцессой, — не отставал новый персонаж. — Или вы отдельно? — Ленивый взгляд на Алису.

— Это... это... — Зорич залепетал, но совладать с собственным голосом не смог, начал заикаться.

— Не волнуйся ты так, Лева! — хлопнул его по плечу второй орк. — Ты же мужчина, ёпта!

— Защитник! — добавил третий.

— Ван Дамм! — поддержал первый.

Втроем они выглядели как братья из матрешки: один высокий, второй среднего роста и меньше всех третий. Объединяли их одинаковые короткие стрижки, одинаковые бычьи лбы, широкие плечи, тестостерон, кожаные расстегнутые куртки с отороченными мехом воротниками,

джинсы, носатые туфли, кулаки размером с кувалду. Как позже выяснила Алиса, орки назывались Кашеня, Флор, и Сиплый, жили они вместе с Зоричем в одном блоке, учились на пятом курсе.

— Алиса, — выручила девушка Зорича, представившись сама.

— Что? — обернулся к ней Флор, среднего роста, но явно главный в троице.

— Мое имя Алиса, — повторила она. — Любопытство удовлетворено или еще вопросы будут?

— Какая борзая, Флор, малая! — исподлобья посмотрел на девушку Сиплый.

— Помолчи! — приказал Флор приятелю, придвинулся к Алисе и положил руку на ее плечо, намереваясь обнять.

— Руки! — тактично возмутилась Алиса, глядя на Зорича, который уже чуть под стол не сполз.

— Что руки? — широко усмеялся Флор. Кашеня и Сиплый тоже, беря пример с Флора, усмехнулись.

— Руки убери, — подсказала Алиса и добавила: — Или помочь?

— И что ты мне сделаешь? — прошептал ей на ухо Флор.

— А ты хочешь рискнуть? — таким же

образом ответила девушка.

— Не понимаю, — убрал все-таки руку с ее плеча Флор, — откуда у такой цыпы столько глупой смелости. Не нарывалась еще никогда, никто не ломал?..

— Ты хочешь быть первым? — спросила Алиса.

— Не уверен, но вполне возможно, — пожал плечами Флор.

— Хорошо, — согласилась девушка.

— И что это значит?

— Ты же в семерке живешь? — решила уточнить Алиса.

— Да, соседствуем слевой.

— Ну, тогда завтра в целовальнике на твоём этаже все и решим.

— Что решим?

— Не тупите, уважаемый представитель мужского рода, вы же на филфаке учитесь...

— Флор, — криво улыбнулся Кашеня, — сдаётся, эта малая тебя «сделать» желает...

— Посмотрим, — отозвался Флор. — Не опаздывай, детка. — Он чмокнул Алису в затылок, поднялся с места и вышел из-за столика. — Пока, Лева! — размашисто хлопнул по плечу Зорича и неторопливой походкой уверенного в себе человека направился к выходу из буфета. Кашеня и Сиплый, тоже приложившись пятернями к плечу Зорича,

тронулись следом.

— Выдохни уже! — не сдержалась Алиса, глядя на словно приглушенного Леву, забывшего и про чай, и про чебуреки, пока рядом находились орки. Он был сейчас очень похож на испуганного цыпленка.

— Как ты с ними... — с трудом выговорил он.

— Напугали тебя эти орки, — вздохнула Алиса. — Не ссы, Лева, львы тоже бывают трусливыми. Не страшно.

— Как раз страшно, — возразил Зорич.

— Поясни.

— Ты другая... Разная одновременно.

— Ну надо же было кому-то из нас двоих исполнять роль мужчины, — сказала Алиса, — если ты такой дохез, — добавила. — Это тебе не книжки нечитанные лажать.

— Прости, Алиса, я не хотел...

— Я понимаю... У тебя тонкая душа, личное понимание мира, поэтическое мышление... Но, Лева, стихами ты не спасешь свою девушку, если окажешься в окружении выродков. Добро должно быть с кулаками, Лева!

Алиса сложила книгу и телефон в сумку, вышла из-за столика.

— Ты уже уходишь? — забеспокоился Зорич.

— Не волнуйся, Лева, твои орки не вернуться, — заверила его Алиса. — Допивай чай,

ешь чебуреки, пиши стихи...

— А ты куда?

— У меня дела, Лева, важные дела.

— Там дождь, — заметил Зорич, посмотрев в окно.

— Дождь, — согласилась Алиса. — Но что делать? Ты же не можешь взять и стать моим зонтиком...

— Я... — с преданностью собаки Зорич готов был превратиться в кого угодно.

— Сиди уже, — махнула рукой Алиса.

Она стремительно вышла из буфета в холл, остановилась возле зеркала, добавила красоты на лице и, оставшись довольной, покинула стены факультета.

Дождь шел, но перестал идти, как только Алиса сделала несколько шагов ему навстречу.

4

Миллер пришел раньше времени, как ни замедлял шаг. Впрочем, ни на одну встречу в своей жизни он не опоздал. Разумеется, около «Макдональдса» никакой так называемой его дочери не оказалось, кроме чужих дочерей. Да и как бы он ее узнал? Пешеходное течение струилось в обе стороны от подземного перехода. Миллер ощущал, что он препятствует людскому потоку,

который нет-нет, да подхватывал его и тянул за собой, словно в бездну. А ему туда не надо было. Он отошел в сторону. Почему раньше так не сделал? Волновался? Выискивал глазами ту, кто его дочь? Надеялся, что сердце подскажет, зазвонит, как колокола, услышав родную кровь? Дурак! Осел! Это же обычный развод! Может, Быковский и не участвовал в нем, но что сдержит какую-нибудь профурсетку просто постебаться над лохом?.. Миллер — ты реально лох, если стоишь тут, если приплелся сюда. А зачем, если подумать?

Он закурил. Пальцы нервно дрожали. Он пожалел, что пришел. Молодежь вокруг кучковалась, курила, пила пиво. Миллер тоже захотел пива, как никогда раньше. Во рту пересохло, точно после перепоя.

И вдруг...

— Добрый вечер, Дмитрий Михайлович!

Как он ее проглядел?

Она, видимо, подошла из-за спины или тогда, когда он отвернулся.

Очень приятный голос, очень красивый, благозвучный и звонкий...

Когда Миллер уперся взглядом в обладательницу голоса, даже рот разинул, от чего сигарета сорвалась с губ, закончив жизнь самоубийством.

Перед ним стояла такая красавица, что на миг

он пожалел об их родстве. Подобные только в голливудском кино снимаются.

Черные-черные прямые волосы чуть ниже плеч с ломаной ветреной челкой.

Большие глаза цвета спелого ореха умело подведены черной тушью и черными тенями. Длинные ресницы придают еще большей выразительности глазам.

Утонченный, чуть вздернутый носик от природного любопытства.

Губы строго очерчены губной помадой, чтобы не бросаться в глаза, как меч в ножнах, и от этого еще более привлекательны.

Ямочки на щеках, ангельская улыбка, умный и благожелательный взгляд...

«Да я виртуоз, — пронеслось в голове Миллера, — если эта кукла моя дочка!»

И фигура шедевральная, хоть и взята в осаду черными джинсами, но в обтяжку, и белой приталенной кожанкой с меховыми воротником и рукавами. На ногах — черные кожаные ботфорты, шейка обвязана теплым красным в белые полосы шарфом.

Алиса тоже пришла пораньше. Она чувствовала, что Дмитрий Михайлович ждал ее, и не ошиблась, улыбнулась ему.

— Добрый вечер, Дмитрий Михайлович! — поздоровалась она снова, едва поняла, что

произвела эффектное впечатление на Миллера и теперь нужно как-то возвращать его в реальность.

На этот раз Миллер тут же откликнулся.

— Я бы сказал, невероятно добрый вечер! — воскликнул он во весь голос, на который обернулись прохожие.

— Я — Алиса, — сказала девушка.

— Ну, привет, дочка! — прохрипел Миллер.

Он подошел к ней и схватил в охапку обеими руками, прижимая к груди, вдыхая аромат ее молодого тела. У Алисы захватило дыхание, но ей было приятно находиться в крепких руках своего отца.

— Сломаете, Дмитрий Михайлович! — все-таки выдохнула она, обожгла его горячим шепотом.

— Прости, — тут же отпустил девушку Миллер, но взял за руку и не отпускал, будто боялся, что если отпустит, она исчезнет, как привидение.

Они замолчали, пристально вглядываясь друг в друга, словно искали общего сходства, и вдруг рассмеялись. Вместе. Миллер невольно рассмешил Алису слишком сосредоточенным выражением лица, и она показала ему язык.

— Я вас не разочаровала? — спросила девушка.

— Нет, ты что! — воскликнул писатель. — Я

горжусь, что у меня такая дочь!

— Значит, вы признаете меня? — поймала его на слове Алиса.

— Конечно, — не сразу, но согласился Миллер и, в свою очередь, спросил: — Надеюсь, что и ты меня признаешь?

— Даже не сомневайтесь, — искренне улыбнулась девушка. — Вы самый лучший!

Ах, какая у нее была улыбка! Она очаровывала и обещала побег в страну чудес. А «Макдональдс» по левую руку мог все испортить. Миллеру не хотелось туда, и он чувствовал себя неудобно, поскольку не знал, не находил нужных слов, чтобы сказать, что им надо в какое-нибудь другое место, а вдруг девушка обидется и уйдет...

Алиса догадалась сама, что беспокоит ее папу, ей тоже не нравилась идея с «Макдональдсом», и она произнесла:

— Может, пойдем куда-нибудь отсюда? Мы же не маленькие, чтобы есть мороженое и пить апельсиновый сок через соломинку.

— Пива хочешь? — неожиданно даже для самого себя предложил дочери Миллер, но жажда оккупировала мозг, и он не сдержался.

— А хочу! — сразу, не задумываясь, поддержала его Алиса.

— Моя дочка! — обрадованно обнял он девушку и чмокнул в щечку.

Алиса застенчиво улыбнулась. Глаза ее блестели, точно звезды, что только-только вылупились в небе.

— И куда вы меня поведете? — поинтересовалась она.

— К «Любавушке» заглянем, — ответил Миллер.

— Это что или где? — не поняла Алиса, но готова была и в омут с головой нырнуть, лишь бы только вместе с папой быть.

— «Любавушка», — ответил Миллер, — кабак на Комарах. Не знала?

— Нет, — вернула головой Алиса. — Я в Минске недавно. Не все кабаки еще обошла.

Они опять рассмеялись и подались в сторону метро, взявшись за руки.

«Любавушка» на самом деле кабак на Комарах. Любимое место блатных, поэтов и работяг. Последние после рабочего дня заходят к «Любе» заказать соточку или сто пятьдесят граммов водки, тут же на месте выпивают, выходят на крыльцо курнуть и вскоре уходят, не задерживаясь: дома ждут жены и ребятя. Блатные и поэты, если попадут сюда, уже никуда не уйдут и останутся до самого закрытия. Причем абсолютно не важно, в какое время они окажутся у «Любы». Тогда водка льется рекой, голоса с каждой выпитой рюмкой усиливаются в разы, внимание к

присутствующим женщинам зашкаливает, и все они кажутся невероятно красивыми. Самец выпячивается из мужчины, как мотыль из кокона, воинственно поглядывает на каждого представителя своего вида и взглядом завоевателя озирает помещение, будто возможное поле боя. Но «Любавушку» никто никогда не обидит. Весь свой негатив, всю свою агрессию самцы, столкнувшись лбами, выносят, как сор, за стены кабака, где удары ногами и руками чередуются с сочными матюками. Глаза горят, хоть прикуривай от них, воротники на куртках или рубашках торчат, точно копыя, поднятые вверх...

И хоть опасность следит за всеми, кто приходит к «Любе», Миллер не боялся. Он вообще никогда и никого не боялся в своей жизни, кроме стоматологов, но тех еще с детства. Ведя туда Алису и рассказывая ей по дороге про кабак, Миллер был уверен, что с ними ни там, ни где-нибудь еще ничего плохого не случится. А дочка слушала его с большим вниманием, каждое его слово откладывалось в памяти, словно заученное стихотворение или таблица умножения, а хриплый голос Миллера сводил с ума, как некогда песни в исполнении Высоцкого. И ей нравилось, ей все нравилось в нем, в особенности то, что он так доверчиво делился с нею байками про своих друзей — поэтов, композиторов, актеров. Алиса не

запоминала их фамилий, зато приключения и происшествия с ними помнились долго.

На станции «Площадь Якуба Коласа» вышли из метро и вскоре оказались возле «Любавушки».

Заведение было полупустым, свободных мест хватало. Телеэкран под самым потолком мелькал клипами, но изображение отличалось от музыкального сопровождения. Видимо, кто-то выключил звук телевизора, решив послушать музыку из плеера. Пел мужчина брутальным голосом, а с экрана соблазняли зрителя или слушателя «поющие трусы».

Миллер с Алисой взяли по бутылочному пиву и присели в самом углу за тяжелым резным дубовым столом на такие же скамьи друг напротив друга.

— Ну, за знакомство! — предложил Миллер девушке, чокнулся своей бутылкой с ее и прямо из горлышка одним махом выдул половину.

Алиса себе налила пива в стакан, сделала несколько больших глотков, облизнула губы.

Она не оглядывалась, не сосредотачивала взгляд на посетителях «Любавушки», вообще ни на что и ни на кого не обращала внимания, а тупо не сводила глаз с Миллера, точно загипнотизированная. Поэтому не знала, что ответить, когда Миллер спросил, нравится ли ей здесь. Конечно, нравится, она же рядом с ним, и

больше ей ничего не надо.

Алиса расстегнула куртку и сняла шарф, намеренно ли или от того, что стало жарко, пойдя разбери, тем самым принудив Миллера засмотреться на нее и забыть про пиво. Под курткой алела атласная блузка с двумя расстегнутыми сверху пуговицами, что давало возможность насладиться безупречной белизной шейки девушки. Грудь, не взятая лифчиком в плен, казалось, еще чуть-чуть, и проткнут сосками ткань блузки...

Миллер понимал, что так смотреть, как смотрел он на девушку, нельзя, если она его дочь, но он был все-таки мужчина и ничего с собой поделать не мог.

— Нравится? — удовлетворенно улыбнулась Алиса, вроде дразня его.

— Что именно? — с трудом оторвался Миллер от созерцания ее прелестей.

— Я знала, что вам все понравится, Дмитрий Михайлович, — продолжала девушка. — Я очень серьезно готовилась к этой встрече. Для меня крайне важно, чтобы вы меня полюбили, потому что я люблю вас. Я всегда вас любила, даже тогда, когда и не представляла, что вы мой папа. Я догадывалась, что в моей семье что-то не так. Итог вы знаете. Послушайте, — вдруг воскликнула она, — я так счастлива, что вы мой папа, что мы

сидим вместе в этой «Любавушке», что я вас наконец нашла, что вы такой классный, вы даже не представляете, какой вы на самом деле необыкновенный человек и... весь мой.

Последнюю фразу Алиса прошептала, словно только для себя, но Миллер услышал и ее. Именно эта последняя фраза девушки словно что-то перевернула в нем. Ему никогда не было так хорошо, как сейчас. Он никогда не слышал таких искренних и непосредственных признаний, а тут дочка, которая видит своего отца первый раз за всю свою жизнь, не обвиняет, не требует ничего, а любит и шепчет, что он только ее! И от подобного можно сойти с ума, не то, что прослезиться. Слезы на самом деле покатались по Миллеровым щекам, так он растрогался.

— Я вас обидела? — забеспокоилась Алиса. Мужские слезы напугали ее. — Я не хотела, простите меня, пожалуйста!

Она протянула через стол руку, накрыла ею руку Миллера, заглядывая ему в глаза, чтобы понять, что не так.

— Это ты меня прости, — проговорил Миллер. Он взял ее руку в свою и поцеловал поочередно каждый ее пальчик. Алиса застенчиво, но довольно улыбалась.

— А давайте выпьем водки, — неожиданно предложила она, — на брудершафт, а, Дмитрий

Михайлович? — по-заговорщицки подмигнула ему.

— Ты серьезно? — успокаиваясь, спросил Миллер.

— Как никогда! Вы сидите, я сама...

Алиса подбежала к официанткам, пошептала с ними о чем-то, глядя в сторону Миллера. Те заулыбались, закивали головами. Девушка вернулась и попросила Миллера пересесть к ней, чтобы быть ближе. Скоро принесли графинчик с водкой, чистые рюмки, два стакана с томатным соком, фруктовое ассорти, нарезанное дольками, и несколько бутербродов.

Алиса налила в рюмки водку, одну протянула Миллеру, вторую взяла сама. Их руки переплелись.

Они выпили. Миллер бросил в рот дольку апельсина. Алиса откусила половину «дамского пальчика».

— Теперь вы должны меня поцеловать, Дмитрий Михайлович, — сказала она ему.

Не дожидаясь ответа, девушка пересела на колени писателя, нежно провела пальцами по его седеющим волосам, обвила руками шею и коснулась губами его губ.

Их глаза встретились, словно с просьбой позволить то, что оба собирались сделать.

Это не был поцелуй дочери и отца. Миллер с Алисой целовались в засос, по-настоящему, и оба чувствовали желание, взрослое желание близости,

забывшись на все и всех.

5

Миллер летал, словно имел крылья. Фигурально, разумеется. Написалось неплохое стихотворение, учитывая то, что не рифмовал он ничего больше десяти лет. Вдохновила его Алиса. Встреча с девушкой, само ее существование, осмысление того, что он отец, перевернули целиком его отношение к жизни. Прежние ценности и принципы Миллер уже подвергал сомнению. У него такая красивая и умная дочка!

Посидев в «Любавушке», он проводил Алису до общежития, точнее, довез на такси, где девушка, видимо, устав, положила голову ему на плечо, и он боялся пошевелиться всю дорогу. В фойе общежития № 7, что на Октябрьской, девушка медлила прощаться с Миллером. Она даже приглашала его зайти к ней в гости, чтобы он посмотрел, как живет дочка и вспомнил молодость, но он отказался. Не потому, что не хотел. Хотел и еще как! Однако было неудобно. Они договорились, что проведут вместе выходные. Прощаясь, Миллер попросил разрешения сфотографировать девушку. Алиса тут же согласилась, расстегнула куртку и с большим удовольствием поработала на камеру Миллера

телефона. Она пообещала еще, что пришлет другие свои фото ему на электронную почту.

— Я вас очень-очень-очень люблю, Дмитрий Михайлович! — сказала Алиса, прижимаясь всем телом к Миллеру, обнимая его. — Скорей бы выходные, правда?

Она последний раз взглянула на него, улыбнулась и побежала к лифту. Миллер смотрел ей вслед, после вышел на улицу, закурил, воодушевленный и радостный поспешил к метро.

Ночью вскочил как ужаленный. Строчки выстраивались в рифмованные строфы.

Миллер позвонил Быковскому, чтобы рассказать о новом произведении. Именно Быковский не однажды повторял, что дружба — понятие круглосуточное. Однако тот не поднял трубки, что не удивительно в три часа ночи. Тогда Миллер набрал номер Алисы. Это же она виновна в том, что родилось стихотворение, с нею и следует поделиться новостью. Он не отвечал за себя в тот момент, был неадекватный, но ему хотелось, чтобы его радость вместе с ним разделил кто-нибудь еще.

Алиса подняла трубку.

— Дмитрий Михайлович, что-то случилось? — зевая, спросила она.

— Случилось! — таинственно ответил Миллер.

— И что? — шепотом продолжила Алиса,

невольно втягиваясь в игру Миллера.

— Ты — волшебница, Алиса!

— Очень приятно, Дмитрий Михайлович, слышать это от вас, и я целиком с вами согласна. Но...

— Никаких но! Благодаря тебе я написал стихотворение!

— Правда?! — Алисе понравилось признание Миллера.

— Еще какая! Я стихов не писал сто лет!

— Поздравляю вас!

— Я пришлю его тебе смс-кой.

— Буду с нетерпением ждать.

— Прости, что разбудил, — словно опомнившись, проговорил Миллер.

— Ничего, Дмитрий Михайлович, вы же мой папа, тем более папа-писатель, — нежно проворковала Алиса, — и я горжусь вами и собой. Жду стихотворение! Мне хочется поскорее его прочитать. Не каждый день из-за тебя рождается литературное произведение.

Но Миллер не спешил отправлять стихотворение Алисе. Решил чуть подождать. Пусть оно какое-то время отлежится, до обеда хотя бы.

Работа не работалась. Мысли, связанные со стихотворением и Алисой, сверлили душу. Миллер не сводил взгляда с фото дочери в телефоне, ничего

и никого не слышал. Его «отсутствие» бросалось в глаза. Вчерашний «побег» с работы не прошел даром. Миллера вызвали к главному редактору, хорошо, что не к директору, кабинеты которых находились рядом и их разделяла приемная.

Секретарша попросила его подождать, мотивируя просьбу тем, что главный редактор пока занят, точнее, занята — эту должность занимала женщина. Весьма, кстати, симпатичная и не глупая брюнетка лет сорока. Как раз донесся ее голос из кабинета. Татьяна Александровна Медникова, так звали главного редактора, чему-то или кому-то возмущалась, что случалось нечасто. Надо было очень постараться, чтобы она повысила голос. Потом из кабинета выкатился какой-то человек и послышалось: «Проходите, Дима!»

— Нет, ну вы это видели! — не могла успокоиться Татьяна Александровна. — Какова наглость! Он мне угрожает еще! Гений, твою маковку! А двух слов связать не может!

— Это вы о ком? — решил тактично уточнить у начальницы Миллер.

— Не о вас, не волнуйтесь так, — ответила Татьяна Александровна, успокаиваясь постепенно. — Но к вам у меня также вопросы. Садитесь!

Она села за свой стол, Миллер присел на стул напротив.

— Я вас слушаю, — произнесла Татьяна Александровна, пристально взглядываясь в глаза подчиненного.

— Не понял, — пожал тот плечами.

— Не хватало еще, чтобы и вы мне нервы поднимали! — не сдержалась женщина. — Не понял он! А мозги вам на что? Дотумкать не можете?..

Татьяна Александровна вышла из-за стола, прошла туда-сюда по кабинету, стряся с рук и плеч невидимый сор, во всяком случае, такое складывалось впечатление. Миллер в очередной раз отметил для себя, следя за передвижениями Медниковой, что его начальница очень интересная и красивая женщина. Среднего роста, фигуристая, с шикарным бюстом и не менее шикарным умом, с густыми вьющимися волосами до плеч и голубыми глазами, под которыми хотя и появлялись гусиные лапки, но несколько не портили общей картины. Их даже можно было не заметить, если не присматриваться.

— Ну, Димочка, дорогой, — вдруг остановилась она возле него, выдвинула стул из-за стола и села рядом. А «Димочкой» называла Миллера, когда волновалась за него или хвалила за что-то, — вы же взрослый человек, не студент и даже не школьник, а ведете себя как ребенок.

Они смотрели друг другу в глаза. Миллер

терялся в небесной синеве глаз Татьяны Александровны. Ему вдруг так захотелось обнять женщину, поцеловать в пухлые по-детски губы в розовой помаде. Может, от близости, может, еще от чего, он не знал.

— Не нравятся мне ваши глаза, Дима, — словно догадавшись о желании Миллера, произнесла Татьяна Александровна. Момент был упущен. Она пересела на свое место. — Так куда вас вчера как корова языком слизала? — спросила в лоб. — Я его ищу по всему издательству, опрашиваю всех, как дура, а он, никому ничего не сказав, уходит с работы посреди рабочего дня с концами.

— Так получилось, Татьяна Александровна, — проговорил Миллер, понимая, однако, что это не ответ.

— Это не ответ, — подтвердила его мысль Медникова. — И он не принимается.

— Я пока не могу вам сказать...

— Вы могли, — перебила Татьяна Александровна, — зайти ко мне и предупредить, что уходите, язык не отвалился бы. Я отпустила бы вас без всяких объяснений с вашей стороны.

— Я знаю, — согласился с ее словами Миллер.

— Так спешили?

— Не очень.

— Что тогда?

— Послушайте, Татьяна Александровна, — внезапно придумал план Миллер, как все исправить, — а приходите сегодня вечером к «Любавушке».

— Неожиданно, — улыбнулась та. Она на секунду задумалась, с интересом взглянув на Миллера, и после сказала: — А знаете, Димочка, я приду.

— И подругу захватите тогда на всякий случай, — понесло Миллера.

— Вы мне все больше и больше нравитесь, Дима! — продолжала улыбаться Медникова. — Наконец проявили инициативу. Хорошо, я подожду объяснений до вечера. А пока вы свободны. В смысле, идите, работайте!

Татьяна Александровна демонстративно раскрыла ежедневник и потянулась к рабочему телефону. Миллер понял, что время валить, и покинул кабинет начальницы.

Он верил и не верил в то, что произошло. Да и как было поверить... Хотя, если подумать, Медникова часто вызывала Миллера к себе в кабинет: редактировать вместе текст уже им отредактированный. Татьяна Александровна всегда читала после него, то ли не доверяя ему, то ли себе. В последнее время засиживались допоздна. Читали и правили вдвоем, точнее, она читала вслух, а там,

где ей что-то не нравилось, останавливалась и говорила, что надо переделывать. И они искали замену слов, фраз, предложений, даже целые абзацы заменяли на более четкие и выразительные. Медникова и Миллер сидели рядом, чуть ли не впритирку. Рука женщины нет-нет, да и падала Миллеру на колено и надолго оставалась там или накрывала его руку с компьютерной мышкой. Иногда Татьяна Александровна озадачивала его каким-нибудь вопросом, непосредственно касающегося текста, над которым работали в тот момент, и пристально смотрела ему в глаза, придвинувшись вплотную. Может быть, она ждала ответа, а может быть, чего-то другого, обольщая шикарным бюстом под расстегнутой на три верхних пуговицы блузкой и опьяняя горячим дыханием. Миллер тогда морщил лоб, задумывался над вопросом и, хотя и поглядывал в ложбинку между белых грудей Медниковой, никаких попыток к близости с ней не предпринимал. Вполне возможно, что зря. Как он мог знать, что начальница к нему не ровно дышит. А она, видимо, разочарованная тем, что Миллер, точно слепец, никак не мог догадаться, чего хочет женщина, оставаясь с ней наедине, когда на работе, кроме охранника на первом этаже, никого нет, демонстративно зевала и отворачивалась от него. Спрашивала потом, придумал ли он ответ на

заданный вопрос, он что-то отвечал невпопад, но она уже не слушала его, поскольку всегда имела свой вариант ответа на любой вопрос.

Значит, Миллер нравился Медниковой? Возможно, она даже любила его! Хотя нет, это слишком самоуверенный вывод. Татьяна Александровна — серьезный человек, трудоголик, живет одна где-то в Грушевке. Стоп. Главное здесь — одна. Правда, говорили, что у нее есть взрослый сын, который живет отдельной семьей... Вот в «Любавушке» все и выяснится.

6

— Идет! — уведомил Сиплый через плечо Кашеню и Флора, сидевших на подоконнике в целовальнике. Он еще раз глянул в конец коридора, чтобы убедиться, что не ошибся и именно Алиса движется навстречу. Его друзья спрыгнули с подоконника, презрительно усмехаясь.

Алиса действительно приближалась к целовальнику — глубокой нише слева по коридору, в самой его середине. Такие целовальники имелись на каждом этаже и являлись местом для свиданий или встреч, вроде той, на которую спешила девушка. На ней были черные лосины, серая байка с капюшоном и Куртом Кобейном на груди и кеды. Позади семенил Зорич. Он почти весь день после

зачета по истории древней литературы провел в комнате Алисы. Сначала зашел к себе, где Флор отработал на нем несколько ударов, пока Зорич не убежал. Жаль его. И девушку его жаль, когда она у него появится. Вдруг пересекутся где-нибудь с мразями. Что он сможет сделать, как себя поведет? Зорич и Алисе не советовал идти на «стрелку» с Флором, но она-то знала себе цену.

Они стояли полукругом. Зорича не впустили в целовальник, шуганули так, что тот бежал, точно заяц.

— Зря вы так с ним! — сказала Алиса, обращаясь к Флору, который стоял напротив и выбирал место на теле девушки, куда бы ударить так, чтобы она никогда и никому больше в жизни не дерзила, навсегда запомнила урок и рот не открывала без причины.

— Нашла, кого защищать, — все же отозвался он.

— Сильный защищает слабого, — заметила Алиса.

— Сильный бьет слабого, — возразил Сиплый сзади, — чтобы другие видели и боялись. Это еще древние люди узаконили.

— Глупые древние люди, — не согласилась Алиса.

— Не тебе оспаривать мудрость веков, — вставил Кашеня.

— Не мне, — кивнула Алиса.

— Чего тогда залупаться надо было? — спросил Флор. — Оскорблять перед всеми?..

— Заслужили, — кратко ответила девушка.

— Как это?

— Не люблю, когда унижают человека, который этого не заслуживает.

— Лева — человек? — присвистнул Флор. — Чего ж тогда не он стоит на твоём месте?

— Я на своём месте, — улыbnулась Алиса. — Даже не сомневайтесь. А Лева... другого теста натура, неземного.

— Инопланетянин? — заржал Сиплый.

— Почти. Ты все равно не поймешь, что бы я ни сказала о нём.

— За «базаром» следи! — невзлюбил Сиплый.

— Слежу, слежу, — подхватила Алиса и вдруг выдала: — Так мы «базарить» тут собрались или по-мужски решать?..

— Ты что-то попутала, малая, — подпрыгнул Сиплый. — Мужчины здесь мы, ты...

— А я вот не вижу... ни одного! — перебила его девушка и локтем вмазала по зубам.

Челюсти Сиплого щелкнули, капканом поймав язык. Сиплый дико заревел от боли, на пол капнула кровь. В тот же миг на Алису бросился Кашеня. Она перехватила его ногу и сильно ударила ниже паха. Тот скорчился, сложившись

вдвое.

— Где так научилась? — Флор не удивился умению девушки, он подозревал, что наглость ее именно от владения какими-то бойцовыми единоборствами.

— Где надо, — произнесла та.

Они кружили на одном месте, не сводя глаз друг с друга. По ходу Алиса вырубил ногой в лоб Кашеню, который препятствовал движению. Сиплый вовремя ретировался к окну, зажимая рот рукой. Он тихонечко завывал и нападать на Алису не собирался.

Атаковали одновременно. Алиса пропустила удар Флора. Он съездил ей по скуле, разбив нижнюю губу. Брызнула кровь. Но и ему досталось. Девушка с разворота всадила ему в кадык свою пятку. Флор закашлялся, схватился за горло, отступил к стене и по ней сполз на пол.

Когда появился Зорич с представителями оперативного отряда, Алиса душила Флора, вжимая кадык в его горло кедом. У того уже и глаза закатились. Сиплый бросился к операм, как к спасителям.

— Алиса, остановись! — закричал Зорич девушке.

Она обернулась. Лицо Алисы он едва узнал. Перекошенное свирепой ненавистью к врагу и бешенством, оно показалось страшным. Однако

Алиса быстро справилась с собой. Она убрала ногу с горла Флора и снова стала обычной девушкой.

Алиса обладала коричневым поясом по кикбоксингу, которым занималась трижды в неделю, пока училась в школе. Профессиональной карьеры бойца она никогда не желала, хотя тренер и настаивал, чтобы девушка серьезно подумала о спорте. Ее достижения и возможности могли в скором времени превратиться в чемпионство мира, однако Алиса за этим не гналась. Ей нравились тренировки, растяжки, соревнования, но она не видела в них жизненно-важной необходимости. Алиса хотела быть обычной женщиной, кикбоксинг помог понять это и научил постоять за себя. И все же больших усилий ей стоило сдерживать свое умение. Вот и теперь не сдержалась. Зато цепляться больше не будут и к Зоричу иначе относиться станут. Хоть и не факт. Ну, если одного урока не хватит, можно ведь и повторить.

Флор поднялся на ноги с помощью Кашени и Сиплого. Тут же отогнал их от себя. Ухватился за стенку, пошатываясь. Руками ощупывал горло, откашливался. Оперотрядовцы ушли, посмеиваясь с Флора, которого девчонка «сделала». Они-то думали ее защитить, а защищать-то не было от кого. Флор терял на глазах авторитет.

Алиса не уходила. Стояла в сторонке, скрестив на груди руки, смотрела то на Флора, то на

Сиплого, то на Кашеню, то на Зорича, ждала, пока целовальник опустеет, тогда уйдет и сама, как победитель. Зорич ткнулся в стену плечом рядом.

— Мне теперь, — тихо произнес, — с ними нельзя. Задавят как клопа.

— Не задавят, — отозвалась Алиса. — Сами затопчем.

— Тебе легко говорить, — не соглашался Зорич, — ты с ними не живешь.

— Хорошо, Лева, прости. Если так их боишься, перебирайся ко мне, — вполне серьезно предложила Алиса.

— А соседки твои как же? — задумался Зорич, но за предложение Алисы ухватился как клещ.

— Не твоя забота, — ответила девушка, однако добавила: — Не стыдно будет в одной комнате с девками жить?

— Напротив, — пожал плечами Зорич, — сочту за честь.

— Ну, цену твоей чести я знаю, — улыбнулась Алиса. Заметив, как помрачнело лицо Зорича, успокоила его: — Не сердись, не сердись, Лева. Каждый человек хорош в какой-то одной отрасли. Ты, например, в литературе. Только предупреждаю в первый и последний раз, пересмотри свое отношение к творчеству Дмитрия Миллера.

— Я уже, — сдался тут же Зорич.

— Что уже?

— Пересмотрел, — заверил Зорич. — Твой отец виртуоз слова и живой классик...

— В лоб сейчас получишь, — прервала его Алиса. — Как будем ложиться спать, популярно объяснишь и основательно докажешь свое пересмотренное мнение насчет моего папы. Иди, готовься.

Зорич послушно направился в блок, в котором жил. Алиса остановила его, подсказав, что с сегодняшнего вечера он же переселился. Вещи его перенесут его бывшие соседи лично.

Когда Зорич исчез, Алиса не спеша приблизилась к Флору. Кашеня и Сиплый остались на своих местах у подоконника.

— Доволен? — спросила Флора девушка.

— Разумеется, нет, — с трудом, но все же прохрипел Флор.

— Думал, все по-твоему выйдет? Думал, проучишь соплюху и завалишь ее прямо тут, в целовальнике? Думал, попользуетесь втроем, снимете на телефон и в Интернет сольете? Как с остальными? Не ждал отпора, Флор?

— Нет, — признался тот. — Кто же знал, что ты кикбоксер. Предупреждать надо.

— Теперь знаешь. Поэтому обходи меня стороной и Зорича не трогай, который, кстати,

больше с вами не живет. Вещи его занесите в 702-й блок.

— К тебе? — не сдержал удивления Флор.

— А в чем дело? Кто-то против?

— Он же недочеловек, трус, тряпка... Что ты в нем нашла?

— Тебе, Флор, не понять. Чао, мальчики!

Алиса помахала пальчиками Кашене и Сиплому, мило улыбаясь. Те закивали головами в ответ.

— Вещи Зорича жду ровно через два часа, — напомнила она Флору и пошла легкой походкой по коридору прочь от целовальника.

Соседки были не против нового жильца. Вопрос: где его положить? Алиса задумалась, но ненадолго. Выход нашла почти сразу. Когда Флор с дружками принесут вещи Зорича, она их вежливо попросит притаранить и панцирную сетку, чтобы соорудить двухъярусную кровать.

Так и сделала. Пятикурсники исполнили все, что им велела девушка. Смастерили кровать, как говорится, на века.

— Ну что, Лева, — обратилась к парню Алиса, когда «строители» удалились, — с тебя «поляна», и выбирай: сверху или снизу спать будешь. Хотя нет, — остановила готового к диалогу Зорича, — сверху буду я.

— Я и хотел тебе это предложить, — вставил

все же Лева.

— Ну, молодцом тогда, — похвалила его девушка. — Когда «поляна» будет за новоселье? Согласны, девки, на «поляну»? — кинула взгляд на соседок, тихонечко хихикавших. Они, конечно, были согласны.

— Когда скажешь, — пожал плечами Зорич.

— А сам никак? — упрекнула его Алиса. — Принимать решения самостоятельно когда-нибудь научишься?

Тот снова пожал плечами. Ему было неловко в этой комнате и в то же время спокойно. Лучше, чем в прежней, с Флором и Кашеней. Безусловно, ситуация, в которую он попал, не на пользу ему как мужчине, но другого выхода не видел. И очень хорошо, что Алиса решила помочь Зоричу. Он же не виноват, что не умеет драться и насилие отвергает полностью. С детства избегал любых драк и стычек. Сбегал, чтобы не избили, а когда попадал все же в передрагу, никогда не отбивался, поскольку не умел, и очень горько плакал, не понимая, почему и за что его бьют. Зато у Зорича была душа, такая душа!.. Вот ее и увидела Алиса, рассмотрела и поняла, что должна помогать этому человеку.

— Чего молчишь? — присела девушка рядом с Зоричем на кровать. До этого она складывала его вещи в свой шкаф, который теперь делили на

двоих, расставляла его книги на подоконнике, рядом со своими.

— Спасибо тебе, — проговорил Зорич и посмотрел на Алису. Глаза его набухли слезами благодарности.

— Ну, ну, успокойся, — тихо произнесла девушка и обняла парня, поглаживая его по спине рукой. — Все хорошо, Лева, ты не переживай и не стесняйся за то, что так... Мы тебя не позволим обижать всяким орангутангам. Они все еще тебе завидовать будут.

— Но мне неудобно, Алиса, — всхлипнул Зорич.

— Я знаю, Лева. Ты справишься. Кстати, — улыбнулась она, — что насчет моего папы?

— Я готов, — тут же встрепенулся Зорич.

— Ну, удиви меня, Лева, — ободрила Алиса, прижимаясь спиной к стенке.

Зорич прокашлялся и начал:

— Проза твоего отца — грустная, но гармоничная. Когда автор пишет «почти про себя», то обычно трогает больше, чем когда наблюдает за событиями со стороны либо сверху, придерживаясь эмоционально-нейтрального тона. В его произведениях Я-герой рассказывает о себе «как есть», он не склонен к эпатажу, не услаждает слух и взор эротичными зарисовками и просто делится историей о том, как два человека могли быть

счастливыми вместе, но не сумели, запутались, разошлись... Кажется, еще можно преодолеть расстояние и время, но правда ли, что все впереди у них? Секрет произведений Дмитрия Миллера не в сюжете, а в композиции. Он не спешит на первой же странице вывалить все главное о героях и нюансы их отношений, он показывает, описывает, заставляет персонажей действовать и разговаривать, и только потом обобщает, обращается к прошлому. Герои ведут себя непосредственно, подчас непредсказуемо, но естественно — без predeterminedности и заданности, причем ангелоподобная внешность женских персоналий вначале вводит в заблуждение и читателя.

— Ты супер, Лева! — захлопала в ладоши Алиса, обняла его и чмокнула в щеку. — Все правда! Надеюсь, ты не покривил душой, одарив такими дифирамбами писателя?

— Нет, я в самом деле так считаю.

— Вот и хорошо, — сказала Алиса, вставая с кровати. Она еще раз чмокнула Зорича, уже в затылок, и забралась на свой второй этаж с ноутбуком. Ей надо было выбрать фото для папы и отправить их ему по электронной почте, как обещала.

Занятая неотложным делом, она не заметила, как Зорич, стесняясь, ходил в туалет, как раздевался

под одеялом, как желал спокойной ночи соседкам по комнате и как те хихикали, беззастенчиво раздевались, вроде напоказ выставляя свои прелести.

7

С Наташей Воробей Миллера познакомила одноклассница летом 1996 года, когда тот, окончив первый курс филфака, приехал на каникулы в родительский дом под Столбцами. Это случилось на турбазе «Высокий берег», размещенной на берегу Немана и окруженной со всех сторон лесом. Здесь каждый вечер проводились дансинги и собиралась молодежь не только из числа отдыхающих, но и из Столбцов и деревень, что находились неподалеку от турбазы.

Миллер тогда проставлялся за удачно сданную сессию. Он обещал однокласснице (их дворы в деревне смотрели окна в окна, молодые люди знали друг друга с пеленок), что если сдаст экзамены без хвостов, обязательно отпразднует с нею. Она привела с собой подругу, с которой вместе училась в Несвижской хабзе.

— Наташа, — протянула первую руку девушка Миллеру, когда тот поздоровался с одноклассницей и повернулся к ней. — Воробей, — почему-то добавила.

Они стояли сбоку от танцплощадки под старым, но величавым дубом, в пяти шагах от бара, и покуривали, когда Миллер подошел к ним. Он пожал новой знакомой руку, предложил зайти в бар, однако девчата заупрямились и попросили его вынести все на природу, они уже и полянку присмотрели.

Миллер подчинился.

Еще было не так темно, когда он и подружки устроились под раскидистой пушистой сосной с портвейном и фруктами.

Одноклассница уступала Наташе. Их различие бросалось в глаза. Наташа была небольшого росточка, худощавая (вот почему и назвала фамилию, которая подходила ей, как никому, разве что еще Эдит Пиаф), с русыми до плеч волосами под бейсболкой и голубыми глазищами-озерами с длинными ресницами, казавшимися нарисованными. Одета в синие, протертые на коленях джинсы и спортивную жеванную кофту в черно-бело-розовые квадраты с лейблом на груди «Адидас». Одноклассница же на ее фоне выглядела как гора. Ширококостная, одного роста с Миллером, угреватой кожей, но ангельским голосом. Наташин голос чистотой не отличался, однако очаровывал приятной для слуха хрипотцой. Родившаяся на четыре года раньше, Наташа, тем не менее, казалась младше одноклассницы года на два.

Пила она умеючи и не пьянела, в отличие от подруги. Та очень быстро наклюкалась. И тогда Воробей «пошла в атаку» на Миллера, который глянулся ей сразу, как она увидела его. Сдерживало Наташу до этого лишь то, что, возможно, подруга тоже имела виды на парня. Она пригласила его на танец, как раз зазвучала неспешная композиция. Одноклассница махнула рукой, мол, идите, танцуйте и не волнуйтесь за нее.

Они поднялись на танцплощадку, вышли на середину, где уже топталось на месте несколько пар. Наташа подняла руки к плечам Миллера, его руки предварительно опустив на свою талию. Она едва доставала ему до подбородка, но это ее несколько не смущало, хотя через несколько секунд, чтобы казаться выше, встала обеими ножками на ноги парня и плотнее прижалась к нему. У Миллера закружилась голова то ли от портвейна, то ли от близости с девушкой, то ли от поцелуя, который не заставил себя ждать. Глядя в глаза Миллеру, Наташа несмело поцеловала его. В ответ он сильно сжал девушку в объятиях, беря в плен ее всю, а не только рот. В тот момент он чувствовал себя властелином вселенной. Девушка задыхалась, но не пожалела о своей провокации.

— Молодец! — похвалила она Миллера, словно студента, успешно сдавшего экзамен, довольно улыбаясь. — Умеешь целоваться. Только

силу не рассчитываешь, я все-таки женщина, — словно укорила.

— Ой, прости! — спохватившись, расслабил Миллер объятия.

— Ничего, — успокоила его Наташа, проведя рукой по его плечу, — мне даже приятно было сначала. На будущее: будь чуть поделикатней.

— Как скажешь, — промолвил Миллер.

— Никогда не соглашайся так быстро, — возразила вдруг девушка. — А лучше вообще не соглашайся, настаивай на своем. Нам нравится решительность и непоколебимость.

— Ты умная, — заметил Миллер.

— Нет, умный ты, — не согласилась Наташа. — А я красивая, — рассмеялась.

— Самая красивая! — восторженно подхватил Миллер.

— Тебе виднее, — понравилось девушке.

Миллер никогда раньше и ни с кем не ощущал подобной легкости в отношениях. Наташа так внезапно стала для него всем, что он даже не удивился этому. Он не хотел с нею прощаться и не хотел, чтобы музыка останавливалась. Она тоже никуда не спешила. Про одноклассницу они забыли. Впрочем, и одноклассница забыла про них. Дружба их прекратилась, они даже не здоровались. Одноклассница не могла простить Миллеру невнимания к себе, все же, считай, вся жизнь

вместе и десять лет за одной школьной партой, мог бы и повнимательней отнестись к ней. Наташу возненавидела просто за то, что она есть, точнее была.

Прозвучала последняя музыкальная композиция. Надо было уходить. Но куда и зачем? Наташа с Миллером не могли отлепиться друг от друга. И тогда девушка потянула парня за собой. Она двигалась очень быстро, точно знала местность и куда идти, хотя было темно. Но откуда она могла что-либо знать? Однако ни разу не споткнулась и не ошиблась на поворотах.

— Куда мы все-таки? — решил уточнить Миллер.

— Не спрашивай, — остановилась Наташа и поцеловала парня, успокаивая. — Доверься мне, хорошо?

Миллер согласно кивнул и не отставал от девушки.

Они взобрались на невысокий холм, где под сенью деревьев скрывался незаметный деревянный домишко, который даже днем нельзя было разглядеть. Откуда девушка о нем знала, Миллер и не догадывался. Откуда избушка взялась, тем более. И спросить у нее даже не подумал. Романтика, одним словом.

Наташа поклонилась двери (так это выглядело), запертой на навесной замок, ощупала

шероховатую стену около и из какой-то щели в досках вынула ключ. Победоносно повертела им перед Миллеровым носом.

Отперев замок, вошли в дом, очутились в беспросветной тьме. Миллер хотел включить свет и начал на ощупь искать выключатель, но девушка остановила его.

— Тут есть свечки, — сказала она. — Электричества не надо.

Тогда Миллер защелкал зажигалкой, и при помощи хилого огонька от нее Наташа нашла канделябр с тремя свечами и зажгла их. Стало более-менее светло и уютно. Миллер осмотрелся. Он попал в чистую, прибранную горницу с низким потолком и одним окном в лес. Слева стоял ничего себе диван, устланный кусачим одеялом в зеленые и красные прямоугольники. Над диваном на стене висел коврик с изображением черного кота в белой рубашке навыпуск и соломенной шляпе, возвращающегося через лес с рыбалки: на плече нес длинную удочку, а в руке ведро, полнехонькое рыбы. В правом углу стояли деревянный стол и две табуретки. У окна — телевизор «Горизонт» на пузатой тумбочке, на телевизоре — видеомагнитофон. Деревянные полки над столом оккупировали видеокассеты. Пол, голый, но мытый, скрипел. На окне — цветастая занавеска.

Наташа заперла дверь на защелку и поставила

канделябр на стол. Обернулась к Миллеру, не спеша расстегивая молнию кофты.

На минуту Миллер будто отрезвел. Что он здесь делает? Девушку, которая привела его сюда, знает всего ничего, а она уже готова переспать с ним. Это нормально? С другой стороны, почему бы и нет. А если с ней что-то не так? Если она больна и он заразится ее болезнью тоже? Нет, она же с одноклассницей подруги, вместе учатся. А если это подстава? Но кому он нужен, чтобы его подставлять? Да гори оно все огнем! Когда еще так повезет? Девушка привлекательная, сама хочет, зачем отказываться?..

— Что-нибудь не так? — приблизилась вплотную к нему Наташа, до конца расстегнув молнию кофты. Выглянули шелк лифчика и ложбинка между небольших, но выпуклых грудей.

Рассуждения и сомнения Миллера тут же отлетели в теплые края, как птичья стая, до лучших времен. Он опять не спросил, откуда девушка знает про это место.

— Ты хочешь меня? — спросила Наташа, лья к нему, просовывая руки под его рубашку.

«Обалдеть можно, как приятно!» — пронеслось в голове Миллера.

Она повалила его на диван, заняла позицию сверху.

— Не мешай мне, — приложила палец к его

губам. — Я сама все сделаю.

Наташа сбросила кофту и расстегнула лифчик.

Вид ее беззащитных грудок вызывал в Миллере желание их защитить, и он потянулся к ним губами. Девушка разрешила ему стать рыцарем...

Потом они долго лежали недвижимо. Наташа оказалась еще той амазонкой. Ей все было мало. Чтобы утолить ее жажду сладострастия, довелось постараться обоим, но они справились.

— У меня никогда не было и больше никогда не будет писателя, — неожиданно прошептала Наташа на ухо Миллеру. — Не удивляйся, я знаю, что говорю. А то, что ты станешь писателем, я уверена. Может, лет через двадцать пять все станут тебя читать, молодость вспоминать.

В дверь вдруг сильно и бранно застучали. Вот она началась расплата за грех. И ни одного же раза не спросил про этот домик, шел, как телок привязанной. И сам же шел!

— Не будем открывать! — испуганно, но в то же время твердо произнесла Наташа. Она вскочила с дивана, собрала свои вещи, отошла к столу, стремительно оделась. Думала задуть свечи, но все равно поздно. Свет видели снаружи.

Миллер тоже оделся, стоял посреди избушки, не зная, что ему делать и чего ждать.

За любовь надо платить, в особенности за

плотскую любовь.

Дверь слетела с петель от очередного удара по ней и с грохотом рухнула на пол. В горницу ввалились четверо, пьяные, но в ясном уме. Миллер ощутил себя персонажем плохой пьесы о неверной жене, молодом любовнике и туповатом муже.

Незваные гости глядели и на Наташу и на Миллера с ненавистью.

— Ну что, шалава, вот ты мне и попалась! — выдохнул первый, тот, что стоял ближе всех к девушке. Та ничего не ответила, лишь втянула голову в плечи.

— Слова подбирай, когда с женщиной разговариваешь, — дернул черт Миллера раскрыть рот. К сожалению, он читал правильные книги. Тут же получил такого леща под дых и затрещину в челюсть, что не устоял на ногах, а подняться уже не позволили, отметилили за милую душу, еле успевал прикрывать лицо и почки.

Наташа все то время, пока футболили Миллера, не шевельнулась, оставаясь стоять на месте, точно статуя. Только глаза щурила в бессилии.

— Женщина говоришь? — комментировал каждый удар тот, самый первый. — На ней пробы негде ставить. Первая шалава в городе! Исчезла, правда, год назад, наградив меня гонореей! Меня, слышишь?! Я даже глазам сначала не поверил,

когда она смело с тобой танцевала на виду у всех! А я ее вот на этом самом диване чпокал!..

— Зачем же тогда ты не меня, а его наказываешь? — подала наконец голос девушка.

— Руки о тебя пачкать — себя не уважать, тварь! — обернулся к ней обиженный, и избиение прекратилось. — А ему наука будет. Ничего, до свадьбы все заживет. И советую, — обратился к Миллеру, — поспешить к венерологу, пока не поздно. Я бы тебя не тронул, — добавил на прощание, — если бы ты меня не зацепил. Всю злость на тебя спустили. Так что гордись до пенсии своим благородством.

Он сплюнул себе под ноги, и прищелцы ушли.

Наташа бросилась к Миллеру, который поднимался с пола, опираясь на диван. Из разбитого носа и рассеченной губы сочилась кровь. Девушка помогла ему сесть на диван, приложила носовой платок к его носу.

— Прости, — провела рукой по волосам Миллера, — я не думала, что все так закончится. Ты не волнуйся, я чистая.

— Но он говорил правду? — все же спросил Миллер, хотя ответ знал и без нее.

Наташа опустила глаза.

— Ты очень хороший, — произнесла спустя несколько секунд, подняв глаза на Миллера. — Такой возвышенный, романтичный, вежливый. Я

никогда не была с таким. Спасибо тебе за это. Если... если ты не хочешь, чтобы я оставалась, я пойду...

— Куда?

Наташа пожалала плечами.

— Пойдем ко мне, — вдруг предложил Миллер — Одну я тебя не пущу. Я люблю тебя.

— Ты нормальный? — грустно улыбнулась девушка. Но глаза ее засветились надеждой.

За полчаса они дошли до деревни, в которой жил Миллер, точнее, его родители. Дорога тянулась через лес, и всю дорогу парень читал девушке стихи. Перед калиткой, что вела во двор, Наташа нерешительно остановилась.

— Может, мне лучше вернуться туда? — показала на дом напротив, в котором жила одноклассница парня, у нее девушка и остановилась, к ней и приехала.

— Как ты себе это представляешь? — возразил Миллер. — Ты знаешь, сколько сейчас времени? Разбудишь всех...

— А если они волнуются, переживают за меня? Все-таки я их гостья.

— Думаю, они уже знают, с кем ты.

— Ты так считаешь?

— Уверен.

Миллер обнял девушку.

— А твои родители? — медлила Наташа. —

Как ты объяснишь мое появление им?

— Во-первых, — клюнул Миллер девушку в затылок, — сейчас они спят. А во-вторых, утром разберемся.

Он открыл калитку и пропустил Наташу вперед. Брехнул Байкал, высунувшись из будки. Узнав хозяина, громко, демонстративно зевнул, мол, шастаете по ночи, спать не даете, и вернулся в будку.

Миллер открыл дверь, пропустил девушку, тихонько дверь запер. На цыпочках провел Наташу в свою комнату, включил настольную лампу. Наташа ахнула, увидев книги. Вся комната была заставлена книжными стеллажами, словно обшита ими, как обоями. Кровать и письменный стол казались вставленными в них.

Миллер разобрал постель, начал раздеваться. Чуть поморщился, снимая рубашку. На ребрах выступили фиолетовые пятна от побоев.

— Раздевайся и ложись спать, — сказал он девушке, которая не могла оторвать глаз от книг.

— Ты все их прочитал? — спросила она, сбросив одежду и скользнув под одеяло к Миллеру.

— А ты как думаешь? — вопросом на вопрос ответил тот, прижимая к себе податливое обнаженное девичье тело.

— Думою, прочитал, — промолвила Наташа через секунду.

— Правильно думаешь. Спи.

— А чпокаться не будем?

— Ты же всех разбудишь.

— Я тихонечко, обещаю.

После той ночи Миллер больше никогда в жизни Наташу Воробей не видел. Когда он проснулся, ее уже не было. Мать сказала, что провела девушку на автобус до Столбцов и ни о чем ее не спрашивала. Девушка сама попросила, чтобы Миллера не будили. Конечно, мама удивилась, что из комнаты сына утром вышла девушка, а не сын. Они поздоровались. Жизнь есть жизнь.

Через девять месяцев Миллер получил телеграмму, она пришла на адрес общежития. Мать поздравляла с рождением дочки. Он тут же выехал в деревню. Наташу он, конечно, искал, но девушка словно растворилась в воздухе. Никто ничего о ней не знал.

Родители рассказали сыну, что Наташа со своим отцом в течение недели каждый день приезжали к ним. Наташа плакала. Отец предлагал поженить детей. Приданое за дочкой обещал немалое. Он посоветовал сообщить Миллеру, что тот стал молодым папой...

Будущие родственники с его приездом так и не появились. Миллер ждал их четыре дня.

Потом как-то одноклассница, та самая, что

познакомила Наташу с Миллером, сказала ему, что Наташа отказалась от ребенка в пользу старшей сестры еще в роддоме, а затем исчезла. Ни дома ее не было, ни на учебе она больше не показывалась. Наташина бездетная сестра приняла ребенка как своего. Она забрала девочку из роддома и уехала с ней в Колосово, где жила с мужем. Одноклассница очень советовала Миллеру не лезть к ним и не принимать никаких мер, чтобы увидеть малышку. Учитывая Наташину увлеченность мужчинами и сексом с ними, утверждать, чей ребенок на самом деле, очень тяжело.

8

Лучший друг Миллера Алекс Быковский был сорокадвухлетним веселым атлетом и поэтом. Спорт ему не мешал заниматься поэзией и наоборот. Он одинаково восхищался как творчеством Пушкина, Есенина, Высоцкого и Сыса, так и достижениями Майка Тайсона, Холифилда, Кости Цзю и Валуева. А мечту лелеял лишь одну: всех их вместе взятых обойти своими успехами. Он отличался высоким ростом, внушительной фигурой, но не броской, круглым лицом и глазами навывкате, этакий белорусский Портос и выпить не дурак. Быковский слегка попробовал и семейной жизни, даже сына завести успел, но что-то не заладилось.

Когда ребенку исполнилось пять лет, Алекс с женой развелся и больше жениться не собирался, однако не обходил ни одной женщины, бросавшей на него взгляд. А бросать было куда.

С Миллером Быковский познакомился в 1990-е на очередном заседании литобъединения при Доме литератора. Там же он познакомил Миллера и со своими приятелями-однокурсниками поэтом Никитой Бичом и телеведущим на тот момент Вадимом Байковым. С тех пор они дружили и собирались чаще всего в «Любавушке».

Это место сначала облюбовал Быковский. Ему импонировало присутствие бандитов в кабаке. В особенности, когда те заговаривали с ним. К блатным Быковского тянуло как к звездам. Однажды он даже беседовал со Щавликом, который подарил Сане собственный нож. Быковский очутился рядом с «вором в законе» случайно и даже не знал, кто тот такой. Это произошло в баре гостиницы «Орбита». Быковский тогда не договорился с двумя гориллами из окружения Щавлика, вступился за девчат, к которым те прицепились, и пренебрежительно разговаривал с ними. Он же не догадывался даже, на кого полез, а впрочем, если б и знал, все равно не уступил бы. Вот за это и получил нож в подарок.

Друзья не поддерживали расположения Быковского к блатным, Миллер вообще их

ненавидел и никогда не пожимал им руки. Преступник есть преступник и должен сидеть в тюрьме. А те, что заходили к «Любавушке», напоказ кичились своими ходками и тем, что сделали: ограбили, изнасиловали, избili, убили.

Рано или поздно коса должна была попасть на камень, и попала.

Где-то с месяц назад, в одну из пятниц (друзья встречались каждую пятницу после работы) Миллер, Быковский, Байков и Никита Бич как всегда отдыхали у «Любы». Взяли водки, жареной курицы закусить, томатного сока запить. Заговорили о своем, о литературе, писателях, женщинах...

Вскоре в кабак ввалилась компания блатных во главе с Литвой. Последний — довольно колоритный персонаж. Он отсидел восемнадцать лет за убийство, хрипел, а не говорил и приятно поражал отрицательным обаянием, в пределах Комаров его все знали и уважали, поскольку, несмотря ни на что, жил и действовал по справедливости.

Литва первым заметил литераторов, подошел к ним, пожал каждому руку в знак приветствия и уважения, кроме Миллера. С ним обменялся кивком. Двое, что пришли с Литвой, сделали то же самое, что и он. Третий пожал руку Быковскому и больше никому руки не протянул. Ему не

понравилось присутствие Байкова, за которым ходила слава представителя нетрадиционной ориентации, и даже не ходила, а бежала впереди него паровозом.

Блатной демонстративно брезгливо обтер руку, которой здоровался с Быковским о салфетку, взятую с соседнего стола, и процедил, обращаясь к новым знакомым:

— На вашем месте я бы свалил по-тихому отсюда, пока я добрый. Полоскайтесь с пидором в другом месте.

— Этот кабак твое недвижимое имущество? — возразил Миллер по-белорусски.

— Чё? Откуда воню колхозной потянуло? Базарить научись по-человечески! — ответил тот.

— Это от тебя воняет, — не сдержался Миллер. — А говорю я на языке страны, в которой живу. И дружу, с кем хочу. А потому сам вали, откуда приперся.

— Я чё-то не понял, — обратился блатной к своим корешам, которые заняли свободный столик и уже уселись, а Литва куда-то исчез, и они не знали, что делать, кого слушать, кто главный, но все же присоединились к зачинщику. — Братва, тут обсосы беролусские вякают, прикиньте! Как на трибуне!

— Да мы просто поэты, — поднял глаза на блатного Быковский, — стихи пишем, какая

трибуна...

— Кому ты что объясняешь, — перебил его Миллер. — Ему плевать...

— Вот тут ты прав, — прервал в свою очередь Миллера блатной. — Мне глубоко по... на вас и на ваш ущербный язык. Мне вообще в падлу даже дышать с вами одним воздухом...

— Так не дыши, — предложил Миллер. Он вышел из-за столика и встал нос к носу рядом с блатным. — Ты не на зоне. И твои понятия тут не проканают. Возвращайся туда и там понтуйся и пальцами греми. Скажу больше: вы, все ваше ублюдское племя, как вши на теле народа, присосались и сосете из него кровь вместе с такими же мразями «мусорами». Я ненавижу вас одинаково люто...

— Одно радует, в мусарню не побежишь, — не дал договорить ему блатной. Но и спровоцировать драку также не успел. Откуда-то вовремя появился Литва и угомонил его.

Однако спустя несколько минут предупредил, чтобы друзья и в самом деле уходили: тот дурак позвонил кому-то, и в скором времени может случиться непоправимое.

Миллеру хотелось остаться, но он вынужден был уйти с остальными. Никому не улыбалось из-за глупости покалечиться или, в худшем случае, попрощаться с жизнью.

Тот, который сцепился с Миллером, бросил ему зло, что они еще обязательно встретятся.

9

Со вчерашнего вечера без передышки сыпал снег, заменив дождь, точно караул у мавзолея. Природа окончательно сошла с ума или же, наоборот, выздоровела, назначив декабрь декабрем, со всеми вытекающими. Поры года повиновались бессменной королеве, почтительно склонив головы после неудавшегося беспричинного бунта, и понесли наказание. Будто пух и перья, клочки от истязаний плоти одиннадцати месяцев декабрем, разлетался во все четыре стороны снег, когда Быковский подходил к «Любавушке». Раньше назначенного Миллером времени. Ему просто повезло с транспортом.

Около «Любы» курили Литва и еще четыре человека, среди которых Быковский узнал того дерзкого верзилу, обещавшего разобраться с Миллером. К нему обращались как к Сазану. Быковский остановился метрах в шести от блатных. Не потому, что испугался, хотя испугался, но не за себя и не за Миллера. За женщин, которых пригласил Миллер. Блатные прицепятся к ним как пить дать. Стычки не миновать. Надо вести женщин в другое место. Быковский набрал Миллера, чтобы

предупредить, но тот не отвечал. «Видимо, в метро или еще где-нибудь едет», — решил он.

В это время Быковского заметил Сазан, точнее обратил на него внимание, потому что не заметить Быковского с такого близкого расстояния было невозможно, и направился к нему. Литва попробовал остановить, но у него ничего не вышло.

Быковский закурил.

— Страшно? — спросил Сазан, подойдя и остановившись в двух шагах. Руки он держал в карманах куртки, глаза прищурил. Одного роста с Быковским, Сазан, однако, был намного худее.

— Нет, — выдохнул дым Быковский в небо.

— А чего тогда не заходишь? — обошел Сазан Быковского вокруг. — Звонишь кому-то?

Литва и остальные медленно приблизились к ним. Литва развел руками, словно говоря Быковскому, что ему их не сдержать, если что. Тот кивнул, мол, все понятно.

— Тебе чего надо? — спросил он Сазана.

— На колени! — вдруг приказал Сазан.

— А то что?

Кореша Сазана обступили Быковского кольцом. Литва отошел в сторону.

— Ты чё, думаешь, пуп земли? — плюнул Сазан Быковскому под ноги. — На колени, и я забуду о вас!

— Ты такой смешной, Сазан! — улыбнулся

Быковский, понимая, что сейчас начнется драка. — Детский сад какой-то...

На него набросились все четверо сразу. Двое сзади, чтобы заломать руки, двое целились в лицо. Одному из них Быковский всадил ногу под колено, как копьё. Сазана наградил «бычком» в переносицу. Тот, однако, устоял на ногах, в отличие от первого, который упал на землю, словно безногий. Те, что были сзади, теперь очутились спереди, столкнувшись лбами.

Миллер появился неожиданно, но вовремя. Как только заметил возню около «Любавушки», тут же ускорил шаг. Узнав Сазана, побежал на него, точно на приступ башни, и снес ударом обеих ног в живот, будто столб. Они упали оба, однако вскочили на ноги одновременно и быстро. У Сазана в руках откуда-то взялся нож.

— Вот и вскрылась вся твоя ублюдская сущность! — по-русски произнес Миллер. — Сразу за нож хватаешься, как последнее чмо!

— А я тебя за человека не считаю, чтобы с тобой по-человечески, — возразил Сазан. — Ты же пятая колонна, а значит, враг, которого давить надо!

— Ошибаешься, враг — этот ты! И место твое за решеткой возле параши!

Сазан проскрежетал зубами. Он был смертельно оскорблен.

— Падлой буду, если ты не сдохнешь! — процедил он.

— Нет, тебя я переживу! — возразил Миллер. — Будь уверен!

Сазан сделал резкий выпад, атакуя противника, но то ли поскользнулся, то ли не рассчитал собственного веса. Возможно, это спасло Миллера от смерти или от ранения. Он выбил нож и набросился на блатного, точно пес на волка. Они качались по снегу, с переменным успехом обмениваясь ударами, силились дотянуться до горла друг друга, глаза их горели ненавистью.

Остальные слегка уgomонились, сосредоточив внимание на клубке на снегу. Литва никому не разрешил вмешиваться.

Прохожие проходили мимо, отворачивались, словно ничего не видели. Двое молодых людей сунулись было разнимать, но Литва загородил им дорогу, посоветовал идти, куда шли. Однако двух женщин, что стремительно приближались к месту драки, ему было не сдержать. Это спешили на встречу с Миллером и его другом Татьяна Александровна и ее подруга Елена.

Татьяна Александровна, особо не задумываясь, кого позвать себе в компанию, позвонила Ленке Горох, с которой дружила еще со школьных времен. Нередко они встречались по случаю и без, вспоминали, как вместе

учительствовали в школе. Татьяна Александровна преподавала белорусский язык и литературу, Ленка — математику в старших классах. У обеих не сложилась семейная жизнь, не повезло с мужьями. Обе были разведенными трудоголиками и придерживались свободных отношений с мужчинами, без обязательств. По дороге Татьяна Александровна вкратце рассказала Ленке о Миллере, к которому ее непривычно влекло. Об этом она даже самой себе боялась признаться, служебного романа не хотелось, поскольку имелся уже горький опыт. И опять на те же грабли. Но ничего не могла изменить, да и не желала. Специально выдумывала причины подольше побыть с Миллером на работе, понимая, разумеется, что тому вряд ли это нравилось. Это же ее к нему тянуло. Поэтому предложение Миллера встретиться и посидеть где-нибудь, даже и с друзьями, восприняла как свидание. Это будет неофициально, он не станет относиться к ней как к начальнице и разглядит женщину, а там... Она же шикарная баба, как говорили за спиной Татьяны Александровны в разных министерствах, куда она часто ездила по работе.

— Сдается мне, Татка, — задумчиво промолвила Лена, выслушав подругу, пока они ехали в метро, — ты втюрилась в своего Миллера.

— Да не мой он, — отмахнулась Татьяна